

Я ПОМНЮ толпы народа, собиравшиеся перед театром задолго до начала спектакля. Пешие и конные, приехавшие на арбах и грузовиках, они, кое-как отряхнув пыль дорог и проселков, устремлялись в зрительный зал. И театр наполнялся запахом колесной мази, конского пота, бензина, степных ветров, нафталина от вытасненной из сундуков праздничной одежды. И еще жгучим, почти детским любопытством, отчаянной верой в правду происходящего на сцене. Зрители горячо защищали правых от неправых, предупреждали любимых героев об опасности. Ликовали, если правда побеждала, и плакали, если верх брало зло.

Я помню напряженную тишину за порталом сцены. Если бы вдруг вспыхнул в зале свет, мы бы увидели слезы женские — обильные, мужские — скупые и трудно сползающие на бороды. На сцену вышла безумная Офелия, белая лилия — хрупкий северный цветок из неведомой залу дальней, почти что сказочной страны Дании. Цветок сломанный, измятый, но тем не менее прекрасный, чистый. Не выдержавший испытания миром жестокости.

Эту сцену «помешательства» стекались смотреть из-за кулис все актеры, свободные от выхода, гримеры и костюмеры, рабочие сцены. И мы — массовка, студенты театрального училища.

Так случилось, что встреча с большим искусством у меня, семнадцатилетней, произошла в Узбекском академическом театре имени Хамзы через больших актеров Сару Ишантураеву и Абрара Хидоятова. Хотя больше мне запомнилась Сара — и потому, что я собиралась стать актрисой, и потому, что мечтала сыграть Офелию. Не случилось ни того, ни другого. Но искусство Сары Ишантураевой, приравненное в «Гамлете», «Отелло», «Бая и батраке» и многих других пьесах к мировым образцам, стало для меня мерилем всех ценностей. Не только сценического мастерства, но и всей жизни.

Сегодня Саре Ишантураевой — шестьдесят...

После спектакля — шла пьеса Уйгуна «Повет» — захожу в ее гримерную.

Хуррият, героине пьесы, — сорок, у нее уже родился первый внук. «Я — бабушка», — говорит Хуррият мужу с легкой грустью и с легким лукавством. Муж горячо возражает: бабушка — для своего внука, а для него — все такая же чернобровая красавица, любимая жена. Хуррият тихо смеется, тихо вскрикивает, ускользает от его объятий. Сколько в ней прелести и женственности, неповторимого, «ишантураевского» обаяния! Какая особая, лишь ей присущая чистота, сияние глаз...

У нее и после спектакля сияющие и блестящие глаза. Темное строгое платье и строгая прическа необыкновенно молодят ее. И трудно поверить, что приехавший за ней мужчина — ее сын, Гога. Гога Абрарович Хидоятов — доктор исторических наук, профессор. Он родился в тот год, когда молодой узбекский театр репетировал пьесу «Человек с портфелем», а Сара играла в нем мальчика Гогу. Она любила этот спектакль и эту роль. И своего мужа — большого артиста, первого профессионального узбекского актера, учителя и друга, Абрара Хидоятова.

...Давным-давно, почти полвека назад, приехал в Ташкент из Кокандского предместья батрак по имени Абдулла Ишантураев с женой и приемной дочкой Сарой. Поступил на маслозавод рабочим и поселился на окраинной Касьяновской улице.

Тут и росла Сара, среди русских, татарских, узбекских, армянских девочек. Играла с ними, слушала сказки Пушкина и Андерсена — сама она читать не умела. А потом эти подлбавшиеся сказки разгивала в лицах. Сама была и исполнителем, и постанов-

щиком, и костюмером, и художником — оформителем — только она еще не знала, как это называется. Маленькая Сара страстно мечтала об учебе. Все учились, она — нет.

— Пойдем со мной в интернат, — однажды предложила Саре старшая подружка Хабиба, дочь заводского сторожа.

Сара Ишантураева — народная артистка СССР. В 1979 году ей исполнилось 60 лет. Фотография Сары Ишантураевой.

К 60-летию

со дня

рождения

народной

артистки

СССР

Сары

Ишантураевой

дьявол. Саре кажется, что она попала в преисподнюю. Она в ужасе пытается залезть под скамейку. Но Хабиба удерживает. Быстрым шепотом она говорит, что так надо, что это есть театр, а в театре играют пьесу. Что на сцене актеры, такие же люди.

Первое действие ушло на то, чтобы подавить страх. Вто-

дцать: она еще не умела анализировать, но умела запоминать. Гордый дух протеста против неволи и унижения будет отныне жить во всех ее героинях: будь то Офелия и Дездемона из трагедий Шекспира, Луиза из «Коварства и любви» Шиллера, Джамила из драмы Хамзы и Яшена «Бай и батрак».

играли, здесь и жили. Только Турсуной с мужем, который тоже актер и уроженец Бухары, живет в доме его родителей. Однажды Сара просыпается часов в шесть утра, какое-то тревожное чувство не дает ей спать. В театре почти пусто — выходной, и все накануне, после спектакля, ушли куда-то в гости. Сара выходит на улицу и видит — муж: Турсуной. Руки и синие брюки в земле, лицо белое.

— Не видела Турсуной? — спрашивает.

— Нет, — удивляется Сара, — она после спектакля домой ушла...

—...и не пришла домой?!

— Как же так?! — кричит Сара.

Но не получает ответа. Муж Турсуной исчез.

Театр наполняется актерами — почему они так рано пришли из гостей? Сара опять не получает ответа. Но улавливает в тревожных голосах предупреждение Абрара Хидоятова — не говорите Саре. Сара не должна ничего знать. Но Сара узнает: Турсуной зверски убита. Убита и закопана в старом заброшенном колодце. Веселая принцесса Турандот, которую накануне зрители долго не отпускали со сцены.

От этого потрясения Сара не скоро оправится. Но оправится и будет играть, играть, играть, играть. Пусть не думают враги, что их боятся! Будет еще смерть Хамзы, растерзанного религиозными фанатиками. Но имя его, как знамя, примет узбекский театр в знак того, что Советская власть выстоит, советское искусство, родившееся после Октября, выживет. Будет расти и развиваться. Даст узбекскому народу, Родине, миру имена блестящих артистов. Их не легкий и славный путь правительство отметит многими наградами. Девочка с Касьяновской улицы и парень из ташкентской махаллы станут корифеями советской сцены — Сара Ишантураева и Абрар Хидоятов.

Зная, поднятое ими обоими, Сара Ишантураева продолжает нести одна. Молодые актеры, молодые драматурги, избиратели, зрители и, конечно же, товарищи по сцене — все находят у нее и приют, и совет, и внимание. Она свыше пятнадцати лет — депутат городского совета. Она свыше двадцати лет преподавателем в театральном институте. Она участвует в симпозиумах борцов за мир.

За сорок лет она сыграла свыше ста ролей. Свыше ста чужих жизней прожила, как свои. Выпестовала, вынянчила, вылепила силой своего таланта в незабываемые образы — через свою, ишантураевскую, индивидуальность, через секреты своего мастерства, через присущие только ей мимику и движения, особые, ишантураевские паузы.

Ишантураевские паузы. Когда я сейчас пишу, я вижу ее в последнем спектакле — «Повет». Долго и медленно, от самого горизонта, входит она в пьесу. В жизнь. В глубоком раздумьи о том, что ее ожидает на новом поприще, на должности секретаря райкома. Она идет, а зрительный зал, застав дыхание, идет вместе с ней в ее большую, трудную и счастливую жизнь. На той же долгой паузе уходит она из спектакля. В ту же даль за горизонтом, спиной к зрителям, туда, где лежат поля и живут люди, доверившие ей такой ответственный пост. Она уходит со сцены, но не из роли. И потому зрительный зал, провожающий ее настороженной тишиной, не сразу взрывается аплодисментами — не сразу понимает, что пришло время расставаться.

Они и не расстаются, Сара Ишантураева и ее зрители. Они вновь и вновь встречаются в те вечерние часы, когда вспыхивают огни рампы, маленькая женщина, великая волшебница, щедро одаривает людей счастьем. Пусть это не обыкновенное чудо длится еще многие годы и десятилетия!

Г. ТАМАРИНА.

— А меня примут? — с робкой надеждой спросила Сара. Девочки составили заговор. Они придут в интернат и скажут, что Сара — сирота.

— А папа и мама согласятся? — спросила Сара.

— Мы им не скажем! — ответила решительная Хабиба. Сару приняли в интернат. Ох, какой это был удивительный мир! Такого нет ни в одной самой замечательной сказке. Уроки и кружки, ботинки и обеды, учителя и пионервожатые. Вот только мысль о родителях не давала покоя. Жалко их было — папу и маму, она у них единственная.

Однажды Сару позвали в учительскую. Она открыла дверь и попятилась.

Мама плакала. И Сара, истосковавшись по материнской ласке, доверчиво приняла к ней.

— Дурочка какая, — шептала мама, — разве мы с отцом тебе враги? Разве мы с отцом не хотим тебе счастья?

Родители ее искали по всему Ташкенту и в Коканде. Они уже не надеялись увидеть девочку живой...

И снова вездесущая Хабиба.

Взявшись за руки, они бегут по широкому улицам русского города — уже вечернему, крепко политым, мощенным кирпичом и булыжником. Сара здесь никогда не была, Саре хочется остановиться и посмотреть вокруг, но Хабиба не дает. Она увлекает Сару за собой — ступени, лестницы, темнота. Дыхание множества невидимых людей. И вдруг с высоты галерки в Коллизее все загорается красным. Красные лица, красная стена, которая в глазах у Сары раздвигается. Из огня и дыма выскакивает красный

рое, чтобы отдать навсегда свое трепетное сердце искусству. Все последующие дни Сара ни о чем не могла больше ни говорить, ни думать, как о театре, о спектакле, о красном дьяволе. Она уже знала, что пьеса так и называется — «Дьявол», что играл дьявола молодой, очень талантливый актер Абрар Хидоятов...

После памятного похода в театр Сара стала заниматься в драматическом кружке. И делала успехи, ей стали поручать главные роли. Особенно запомнилась «Сиротка». Сиротка — это как бы узбекская Золушка. Зрители плакали от жалости. Вернее, зрительницы. «Сиротку» ставили в клубе «Туран» на собрании старгородских женщин — 8-го марта 1923 года.

Не отсюда ли Сара Ишантураева начала поиск своей героини — женщины лиричной и страстной, свободной и целенаправленной? Ей запомнилась Сабира Халдарова — известная общественная деятельница, молодая и красивая женщина в красной косынке на коротко стриженных волосах. Она призвала женщин сбросить паранджу — символ рабства и подчиненности, звала своих подруг к новой жизни. Маленькая Сара стояла за кулисами, и сердце ее рвалось на призывы ораторши. Неужели же женщины из зала не отзовутся? Отозвались. Потянулись на сцену одна за другой. Росла пестрая куча из нарядных и выношенных, из красных, синих и черных одежд рабства. Открывались миру лица — красивые и не очень, молодые и пожилые — все одинаково прекрасные в своей решимости быть свободными. Саре было только тридца-

Сегодня народной артистке СССР Саре Ишантураевой — 60 лет. Конечно, это совпадение, что ее юбилей пришелся на великую дату — день рождения нашего государства, Союза Советских Социалистических Республик. И все-таки — знаменательно: Сара Ишантураева — кровная сестра великой эпохи. Ее жизнь, ее творчество прошли через все веки истории Родины.

Сара Ишантураева — первая узбекская профессиональная актриса — много работала над образом узбекской женщины. Той, что могла быть куплена и продана. И той, что бесстрашно сбрасывала паранджу. Той, что впервые за тысячу лет религиозного гнета стала равной, вышла в поле, работает у станка, учит, лечит, играет на сцене. И любит нежно и страстно — возлюбленного, мужа, детей. Борется с пережитками в быту, отстаивает свою любовь и свое равноправие.

Узбекская героиня на узбекской сцене рождалась нелегко. Тоже в борьбе, и подчас — кровавой. Достаточно сказать, что первых актрис узбекского театра — татарку Максиму Кариеву, русскую Марию Кузнецову — на улице забрасывали камнями, оскорбляли.

Сара знала узбекскую танцовщицу Нурхон, почти что свою ровесницу. Ее убили отец и брат — жестокие фанатики. И еще одна смерть — Турсуной. На гастролях в Бухаре. Их дружба началась в интернате. Тихая Сара любила смелых и дерзких подруг. Турсуной была у них заводилой. И в интернате, и в Москве, где девять девочек-узбеков учились в студии при театре им. Вахтангова.

И вот Бухара, театр. Здесь